

Ольга

Маршкова

сотрудник Восточно-Казахстанского
областного историко-краеведческого музея

ПИСЬМО, В КОТОРОМ ЦЕЛЫЙ МИР...

(К 100-летию поэта Михаила Чистякова)

Передо мной сотни читательских писем... Написанные от руки и напечатанные на машинке, коротенькие послания на почтовых открытках, фирменных бланках и объёмные, порой в несколько страниц петиции. Все они разные, но объединяет их одно: большая любовь к поэзии и их адресату – поэту Михаилу Ивановичу Чистякову.

Однако не будем утомлять читателя многочисленными корреспонденциями, прилетевшими к поэту из разных уголков бывшего Союза. Поговорим о Чистякове, чьё имя хорошо известно любителям поэзии не только в Казахстане, но и далеко за его пределами. А потому сегодня нас интересуют только письма поэта, его ответы на многочисленные послания современников.

Эпистолярное наследие писателя не случайно всегда привлекает внимание исследователей. Письма являются важнейшими биографическими и личностными документами, которые позволяют понять истоки творчества и духовного мира писателя, сохраняют его «живой» почерк. Письма характеризуют его жизненные и литературные позиции, эстетические взгляды и круг интересов. В них прослеживаются и эволюция характера, и человеческие привязанности. Письма – это документы времени и свидетельства духовных исканий человека своей эпохи.

Мне посчастливилось работать с письмами Михаила Ивановича Чистякова, написанными в разные годы (1978–2004) и представляющими собой машинописные и рукописные варианты. Всего их восемьдесят одно. Большинство писем Чистякова сданы в фонды музея женой поэта – Софией Ивановной Георгиади.

В эти годы Михаил Иванович был уже сложившимся поэтом, членом союзов писателей СССР и Казахстана, лауреатом премии Союза писателей Казахстана, руководителем областного литературного объединения. За плечами профессионального поэта – Великая Отечественная война, которая, по словам Чистякова, сделала его поэтом. Позади успешная педагогическая деятельность, руководство литературным клубом «Костёр», работа в областной газете «Знамя коммунизма» («Рудный Алтай»). К этому времени писателю присвоен ряд почётных званий, вручено множество грамот, он – автор 19 поэтических сборников, романа и двух томов полного собрания сочинений.

Удивительно широк и чрезвычайно разнообразен круг лиц, с которыми Чистяков находился в переписке. Его адресаты – родственники, бывшие ученики и коллеги по школе и педучилищу, сокурсники по семипалатинскому рабфаку. Ему писали друзья-поэты, почитатели таланта и ветераны Великой Отечественной войны, сотрудники музеев и военнослужащие, пионеры и комсомольцы, а также друзья, покинувшие родину в 90-е годы, жители многочисленных уголков бывшего Союза. Велика география его собеседников: Алма-Ата, Москва, Ленинград, Волгоград, Тюмень, Ташкент, Бокситогорск, Зайсан, Асубулак, Мелитополь, Тбилиси, Ашхабад, Курск, Новосибирск, Кишинев, Баку, Севастополь, Рязань, Тула, город Кораблино Рязанской области и др.

ПОМОЧЬ СОБРАТЬЯМ ПО ПЕРУ...

Каким же видится нам в переписке писатель М. И. Чистяков? Однозначно сказать сложно, потому что и в жизни он был человеком разным. В своих письмах поэт был искренним и открытым, озорным, энергичным, человеколюбивым. К нему всегда тянулись люди, часто обращались за помощью, зная, что Михаил Иванович не оставит просьбы без ответа.

Нам известны факты, когда он хлопотал за коллег по перу, к примеру, за улучшение жилищных условий молодой поэтессы. В письме к заместителю директора Ульбинского металлургического завода Ильясенко Юрию Григорьевичу от 5.06.1986 поэт обращается с просьбой о выделении поэтессе Наталье Матвеевой квартиры: «Думаю, что Вашему коллективу будет небезынтересно, что родной завод дал крылья поэтессе... Убедительно прошу Вас помочь нашему собрату по перу в этом очень важном для её творческого роста вопросе...»

А в следующем письме Михаил Иванович требовал выплату денег несправедливо обделённым гонорами его соавторам: Азамату Суюнчеву и Серику Габдуллину. В письме в издательство «Жазушы» на имя заместителя главного редактора А. И. Егорова Чистяков пытался исправить ошибку:

«Уважаемый Александр Иванович! Убедительно прошу Вас сообщить Азамату Суюнчеву и Серику Габдуллину, что, по вине редактора моего сборника «Дорога», имена этих переведённых мною поэтов выпали из поля зрения издательства. А также начислить им гонорар за стихи. 29.10.84». И гонорар поэтам был начислен с вычетом части гонорара Чистякова.

Известно, что Чистяков четверть века руководил областным литературным объединением и делал это на высоком уровне, потому что не умел формально относиться к своим обязанностям. В одном из писем Дмитрию Фёдоровичу Снегину, писателю, секретарю Союза писателей Казахстана, он хлопотал о том, чтобы объединение было зарегистрировано в Союзе писателей Казахстана.

«...Наше литературное – одно из самых сильных объединений в Казахстане. Вот краткие данные: Фёдор Карбушев – 4 книжки песен, Борис Щербаков – 3 книги прозы, Виктор Веригин – книжка стихов, Станислав Черных – книга прозы, Юрий Плеслов – книжка стихов, Семён Герасимов – книга прозы и пьеса об Ушанове, прошедшая с большим успехом в областном драматическом театре. Рыбаков – книга прозы. Имеются также и коллективные сборники. Сейчас я сбиваю в один крепкий кулак все литературные силы Рудного Алтая. Выявляются всё новые и новые таланты. Планируем издать ещё нескольких поэтов и прозаиков отдельными книгами... Думаю, что, ознакомившись с документами, Вы не ослабите Вашего внимания к детищу, которое когда-то создавали сами.

Верится также, что в своём докладе на предстоящем съезде писателей Казахстана о росте молодых талантов Вы не забудете упомянуть добрым словом и наших литобъединенцев» (16.02.81).

И вот ещё забота о литобъединении. В письме к Д. Снегину от 28.03.81 Чистяков пишет: «...Хотелось бы пожелать Союзу писателей Казахстана активнее поддерживать молодых писателей в республиканских издательствах, шире открывать им дорогу в творческий мир... Хотелось бы также, чтобы работа межобластного отделения Союза писателей Казахстана была действенной, а не формальной».

И БУДЕМ ЖИТЬ, ПОКА ВИНО ДО ДНА НЕ ВЫПИТО В БОКАЛАХ...

Судя по переписке, Михаил Иванович Чистяков по-доброму, сердечно относился к людям. Он способен был понять горе человека, протянуть ему руку помощи.

В письме Марии Алексеевне Титовой, вдове казахстанского поэта Николая Титова, он сопереживает её одиночеству и утешает:

«Оставаться одинокой после яркой, прошумевшей жизни, конечно, горестно и тоскливо. Но у Вас есть чудесные сыновья и внуки, и это должно давать Вам радость и утешенье. У других в такие годы бывает значительно хуже. Однажды в грустные минуты у меня как само собой сложилось такое стихотворение:

Смотрю, грустинку затая,
На белый свет.
Уходят старые друзья,
А новых нет.
Все меньше, меньше милых встреч,
Всё уже круг.
Как мне друзей моих сберечь,
Тепло их рук?
У Бога милости прошу:
Повремени.
Пока свой круг не завершу –
Продли их дни!

Ушло наше поколение, и вместе с ним ушли наши желания, взаимные симпатии, дружеские застолья, сердечные встречи. Ушли из жизни Иван Шухов, Николай Титов, Фёдор Боярский, Вениамин Ларин... Мы с Вами остались последними из могикиан. И эти наши нечастые письма – тонкая ниточка связи наших сроднившихся душ. Будем жить, пока живётся, и благодарить судьбу за то, что она дала нам радость удивительных встреч, которые навсегда останутся в наших сердцах... С уважением и любовью к Вам М. Чистяков. 06.11.90».

Порой чужую беду Чистяков воспринимает как свою. Письмо к Ларину наполнено состраданием и желанием заставить его быть твёрдым в беде, вселяет веру в тяжело больного человека.

«Получили Ваше письмо. Долго не могли опомниться от неожиданного известия. Несколько минут молчали. Ничто не предвещало в Вашей творческой жизни такого оборота. Мы привыкли видеть Вас весёлым, жизнерадостным, никогда не унывающим, подающим руку помощи своим товарищам.

Утешать Вас, умного и чуткого человека, нет надобности. Наоборот. Нужно смотреть прямо правде в глаза. Нужно собрать остаток сил в один крепкий кулак и с головой уйти в творческую работу. Только это придаст Вам бодрости духа и сделает жизнь более осмысленной. Мы мужчины. И должны встретить свой грядущий день по-мужски. И всё-таки... Может, ещё судьба отпустит Вам несколько лет, чтобы завершить всё задуманное. Эх, годы, годы! Как они коварно подстерегают нас! Давно ли были мы полные сил, здоровья, энергии, – и вот уже все, почти все, подходим к последней черте. Я уже не могу писать, переходить дорогу... Надвигается катастрофа. Но стараюсь не думать о ней, весь захвачен творческой работой... Дорогой мой друг! Что бы ни уготовила нам судьба, будем жить, работать, надеяться на лучшее!» (11.07.1987)

Чистяков был человеком, кому можно доверить сокровенное: и боль утраченного, и боль физическую, и частицу души. Он поймёт, пожалеет, найдёт добрые слова поддержки. Часто его письма призывают к стойкости и мужеству.

На письмо из Ялты от поэта Григория Пяткова, извещавшее о тяжёлой болезни жены, Михаил Иванович находит добрые слова утешения:

«Как всё-таки жестока жизнь! За какие-то 2-3 десятка молодых лет она впоследствии предъявляет нам непомерно тяжёлый счет. ...Остаётся только одно – мужественно вынести эту беду, свалившуюся так неожиданно на твои плечи. Мы солдаты – и должны остаться ими до конца... 15.07.87».

Я НЕЖЕН БЫЛ С ЛЮДЬМИ, БЫВАЛ И КРУТ...

К Чистякову обращались люди в самые тяжёлые минуты жизни, и он приходил на помощь любому. Однако Михаил Иванович мог и пожурить за слабование, делая это порой резко и категорично во благо человека, утратившего веру в жизнь. В таких письмах видится сила воли, с какой Михаил Иванович, почти лишённый зрения, преодолевал свои трудности. В то же время, не терпящий слабости, нытья, прошедший ад войны, закалённый в боях, Чистяков обращался к совести пессимиста.

Вот строки из письма Коровкина Анатолия Михайловича, доцента кафедры истории и философии Санкт-Петербургского Государственного университета – давнего друга Чистякова, с которым Михаил Иванович учительствовал в школе № 25 Усть-Каменогорска.

Именно Коровкина он выписал в образе Анатолия Михайловича Коровкина, учителя и друга Вадима Осокина в романе «Против течения». Письмо Коровкина от 04.05.98 года так и именуется: «Голос друга из Санкт-Петербурга».

Жизнь давнего друга, по мысли Чистякова, вполне состоялась. Анатолий Коровкин многого достиг в карьерном росте и в науке. Пессимист по натуре, в письме к Чистякову он сетует на свою неудачливость.

Думается, незтично было бы цитировать это полное депрессии письмо, но в нём признание в любви к большому другу – Чистякову, оценка его творчества, мысли о мудрости поэта и обладании редкой способностью дружить. В том письме, что особенно важно, и воспоминания о юности, об учительском периоде в Усть-Каменогорске, и мольба о помощи...

«...С поклоном к тебе всегда преданный нашей с тобой истинно мужской дружбе, проверенной 45-ю годами, десятилетиями жизни в разных странах; твой вечно мятущийся – не знаю почему, философствующий – не знаю о чём, ищущий – не знаю что – Анатолий Коровкин (Толя, Толик – как ты всегда меня звал)...

Миша, ты моя добрая пристань, истинная для моего духовного мира, который и есть драгоценное содержание корабля «Дружба». Это божий дар – дружба! Какое редчайшее явление человеческой природы! Дух Святой делает настоящую дружбу принципом жизни. Источником моей неиссякаемой тяги душевной к тебе есть твоя высокая одухотворённость, которая вливается в поэтические строки, незримо наполняющие мою душу...

“Я без тебя сейчас, как птица с одним крылом. Стал сонным свет. Хочу лететь, а не летится. Хочу запеть, а вторы нет!”

Разве можно сказать сильнее?! Это же целая поэма о наших с тобой деяниях. Она мне так дорога!..

Друг мой! И мне “всё давалось очень трудно...” Минуты радости, наверное, вложились бы в немногие часы моей жизни. Я благодарен Господу Богу и за то, что и в мрачные, и в светлые минуты ты всегда был со мной, во мне. Ты приходил ко мне из дальне-далёких лет, в туманную глубину которых я кричал со слезами на глазах, я шептал добродетельные стихи твои, я звал тебя...

Мой дорогой друг! – продолжает Коровкин. – Ты большой поэт! Ты как бы завершаешь традицию уходящего 20 века – ворот в Апокалипсис – традицию великих поэтов: Блока, Есенина, Кедрина... Твоя поэзия мне ближе, роднее, я будто сам творю её. Она вроде бы ещё одна, но особая капля поэтического океана, в которой отражается кажущийся мне мир. Твоя поэзия озаряет меня и будоражит мои бесконечные мысли, размышления, она вопрошает и заставляет искать ответы... Она же даёт мне минуты благоговения перед бесконечностью и красотой природы, благоговения перед Солнцем, Луной, Млечным Путём – всем этим вечным и непонятным. ...И опять сменяется мрачным роением мыслей и размышлений об отсутствии взаимопонимания почти между всеми, о войне всех против всех, многотысячелетней вражде людей, о Добре и Зле – Зле, которое добивает Добро... Всё это отражено в твоей поэзии. Свои мысли, тревоги, скорбь, безысходность, беспросветность надежды на добродетель, на взаимную благодарность – смог почувствовать, увидеть, прочитать и высказать ты, мой друг, в своей философско-поэтической книге “Гуси-лебеди”.

Я наобум открываю страницу твоей книги, и в любой строфе я нахожу связь времён, ты даёшь собственные, присущие только тебе толкования тысячелетних мудростей и преподносишь современникам свои. “Раздумье”, “Прииртышье”, “Гуси-лебеди”, “Поэзия – моя держава” – всё это научает философствованию, заставляет увидеть своё отношение к миру... Твоя поэзия весома. Но не тяжеловесна. Она с изящной простотой легко, ...эстетично будит мысль и обновляет её... А помнишь 25-ю школу – начало нашей дружбы? А директрису Ксению? А Шакена? А машину, в которой всю ночь мы читали стихи? А улицу Ушанова, дождь, и ты первый раз читал мне поэму “Яков Ушанов”? Пельмени, которыми мы всю ночь закусывали Арак, а утром, идя в школу, купались в Иртыше? Сберкасса, где ты брал последние 5 рублей и говорил: “Сейчас возьмём бутылочку, бабушка накормит нас, и мы целый день и вечер будем читать стихи...”

А Аблакетку? Когда мы под дождём шли всю ночь и под утро нас принял Павел Кузнецов в своём сказочном доме на берегу Иртыша... И ты позвонил Соне... А помнишь...? Анатолий Коровкин. 4 мая 1998 г.»

Но Михаил Иванович не собирается плакать с другом, потому что «...жизнь – то затишье, то – смертельный бой, то гладит нас, то бьёт по морде хлёстко...» («Анатолию Коровкину»). Чистяков пытается помочь ему, призывая к разуму, объясняя, может быть, в несколько резкой форме, что у его друга сложилось всё не так плохо, и сравнивает их жизни, давая понять Коровкину, что у него не может быть места мыслям о безысходности!

Ответ Михаила Ивановича позволяет увидеть его несколько иными глазами, поразмыслить над силой его духа, в который раз восхититься мужеством и стойкостью почти слепого человека. Чистяков находит нужные слова, чтобы успокоить друга в тяжёлую минуту, стать ему опорой. Но как?!

«Чтобы прижать тебя к стене моей логикой и немножко пристыдить за твой пессимизм, – пишет Чистяков, – сделаем сравнение двух друзей. Чистяков прошёл сквозь огонь войны. Был в атаках, мёрз в окопах, тонул на понтонах, лежал слепым в госпиталях. Сейчас он полностью потерял зрение, но живёт во имя жизни. Он живёт для людей, а значит, и для себя. Работает день и ночь. Из-под его пера выходит книга за книгой. Ему некогда думать о постороннем мире. Он молит бога о продлении жизни.

Теперь рассмотрим жизненную позицию Коровкина. Каковы его преимущества перед Чистяковым?

1. Он моложе Чистякова на 12 лет.
2. Он не был на войне, и, следовательно не тронут ни осколком, ни пулей.
3. Он – профессор, академик, который обладает огромным багажом знаний.
4. Он, Коровкин, наблюдателен, остроумен, свободно владеет пером. Мог бы заняться творческой деятельностью. И какие бы “типы” вышли из-под его пера... Преподаватели, студенты, знакомые... Человек, обладающий всеми перечисленными знаниями, мог бы сказать новое слово в философии, выступить с критикой современной политической системы и т. д. Но мой друг замкнулся внутри своего “я” и ничего вокруг не хочет видеть... В ответ на твоё письмо я посылаю тебе моё стихотворение “Осенний свет”. Благодарю тебя, Толя, за большую любовь к моему творчеству! Ты так много процитировал, смею думать, наизусть, строк из моих стихотворений и поэм... 22.09.98».

Стихотворение «Осенний свет» опубликовано в ПСС Чистякова, том 3:

Осенний свет

Анатолию Коровкину

Всё в прошлом – юность, радость, боль.
Мелькнули годы, словно миги.
И мы с тобою, Анатоль,
Уже прочитанные книги.
Мы всё познали – ложь, обман,
Друзей и недругов по службе.
И лишь храним, как талисман,
Первоначальность нашей дружбы.
Ты говоришь, что ты устал,
Что жить уже неинтересно,
Что удивляться перестал
Всему, что видишь повсеместно.
Пусть так. Пусть тих остаток лет,
И мы сей мир не так уж любим.
Но в нас горит осенний свет,
Который ещё нужен людям.
Весна, чтоб петь, гулять, кружить,
Но осень – тоже время года.
И без неё нам не прожить,
Не вычеркнуть из обихода.
Осенний свет – спокойный свет.
Он светит медленно и ровно.
И мы итожим хладнокровно
Все завихренья прежних лет.

К чему потусторонний мир?
 У нас не кончена дорога.
 Нет, мы продолжим жизни пир,
 Который нам ниспослан богом.
 Мы все возьмём, что нам дано,
 От юных лет до нас, бывалых.
 И будем жить, пока вино
 До дна не выпито в бокалах.
 1998

О ПРЕКРАСНОМ, ДОРОГОМ, ДАЛЁКОМ...

Иногда письма Чистякова – это ностальгические воспоминания о 50–60-х годах – годах молодости и всеобщего подъёма, когда все были полны сил, талантливы, было «всё интересно, шумно, дружественно...»

Часто поэт вспоминает о прежней атмосфере, что царила в Союзе писателей Казахстана. Трофимову Роману Константиновичу, члену Союза писателей СССР, Михаил Иванович пишет в Актюбинск:

«Твоё короткое письмо напомило дни нашей далёкой молодости, когда мы были начинающими поэтами. Ещё вспомнились совещания, пленум, съезды писателей Казахстана, и мы в качестве гостей затаённо слушали выступления выдающихся мастеров слова (Михаила Шолохова, Мухтара Ауэзова, Ивана Шухова, Николая Анова). А сама атмосфера в Союзе писателей? Юмор, смех, чтение стихов, радио, телевидение, газеты. Всё было предоставлено нам, будущим мастерам пера.

Тогда, в 50-е годы, мы вступили в длительный марафон поэзии. Многие отстали, иных уж нет (Скворцов, Рябуха, Душкин, Анисимов, Киселев), а мы с тобой ещё бежим... Вот, Роман, как поэзия связывает наши сердца и роднит наши души. 20.8.91».

В письме Чистякова к М. А. Титовой читаем:

«...Вспомнили искромётные стихи поэта Николая Титова, вашего весёлого мужа, Алма-Ату, весеннюю, полную яркого цветения акаций и яблонь, и осеннюю, в шуршащей листве тополей и в мерцании поздних чарующих астр. Вспомнили, как вы всей семьёй приезжали к нам в гости в Усть-Каменогорск, как поразил вас величественный Иртыш, гранитные горы, поля и холмы за рекой. Сколько было радости, шуток, смеха, веселья.

А Союз писателей? Не успеешь зайти, как тебя обнимают со всех сторон. Расспрашивают, тут же читают свежие эпиграммы на своих собратьев, которые ничуть не обижаются на острые словечки:

У Союза между ног
 Вьётся Федя Моргунок (Н. Тумов).

Это о нашем секретаре Фёдоре Моргуне. Или о Шухове:

По “горькой линии” иду
 И “Ненависть” несу под мышкой.
 Не знаю я в каком году
 Порадую вас новой книжкой (Н. Тумов).

А о Дмитрии Рябухе, который переехал из села Чилик в Алма-Ату и стал писать хуже:

Неясен новой книжки лик.
 Как будто был поэт и сгинул.
 Чилик, Чилик, Чилик, Чилик!
 Зачем же я тебя покинул! (Н. Тумов)

Как было интересно, шумно, дружественно. Как нам казалось всё простым и обычным, теперь – прекрасным, далёким и дорогим. 06.11.90».

Вспоминает поэт бывшее и в письме коллеге по усть-каменогорскому педучилищу Лотте Александровне Коротких. Письмо очень содержательно. В нем и факты из биографии

поэта, сведения о творчестве Чистякова; из письма узнаём, что поэма «Возвращение» «...автобиографична, вернее, это частичка моей жизни...»

В том письме и восхищение коллегий, и воспоминания о годах молодости:

«...Вы ведь мой самый искренний читатель! Тем более, что я всегда считал Вас самым образованным педагогом в училище. Вы всегда были в курсе всех литературных новинок, а уж как любили классику! А русский язык! Мне кажется, что вы чувствовали в нём какую-то скрытую музыку. Не примите это за лесть. Это действительно так! Недавно встретил Алексея Матвеевича Курочкина. Проговорили целый час. Вспомнили драмкружок, как студенты играли Чехова, Горького, как читали Маяковского и Есенина. Ах, какое было яркое романтическое время! До сих пор наши студентки, уже бабушки, встречая меня на улице, задают с трепетом один и тот же вопрос: “А помните уроки литературы? А как мы читали поэтов?” А некоторые тут же на улице начинали читать стихи любимых поэтов... 1992».

Ответное послание Лотты Александровны вновь всколыхнуло в поэте ностальгические воспоминания:

«Был несказанно рад Вашему письмецу. Вспомнил педучилище, наших девчат и ребят, Алексея Матвеевича, Голованова, Елифанова и многих других. Иногда захожу в это здание (Бывшее педучилище. Теперь мусульманская мечеть по ул. Казахстан. – Т. О.) Каким же оно кажется маленьким! А ведь когда-то там кипела жизнь, проводились уроки, работали кружки... Теперь там филармония. Как Ваше здоровье, дети, внуки? Жив ли муж? Что Вас заставило покинуть Усть-Каменогорск? Напишите подробнее. 12.04.89». (КПнв-13253)

В письме Чистякова к Липовецкой Тамаре Александровне в Семипалатинск также звучат ностальгические ноты:

«Семипалатинск – город моей юности. Я учился там в геолого-разведочном рабфаке (1934–1937), а затем окончил педагогический институт (1951). Естественно, что с этим городом у меня много общего, и он до сих пор живёт в моей душе. 28.05.89».

Ностальгические нотки звучат и в письмах к бывшим ученикам. Маргарите Кухаренко в Рязань поэт пишет:

«Дорогая Риточка!.. Спасибо, что не забываешь старого учителя. Я вспоминаю педучилище 50-х годов. Ах, какая это была жизнь! Уроки литературы, литературный кружок, пьесы Чехова, Горького, стихи Блока, Есенина, Маяковского! Всё кипело, звенело, рвалось куда-то вдаль. У всех было приподнятое романтическое чувство к прекрасному – к жизни, литературе. 15.07.91».

СКОЛЬКО РАДОСТИ ТЫ ПРИНЕСЛА В НАШ ДОМ...

Часто в письмах Чистяков предстаёт перед нами оптимистом и жизнелюбом, человеком нежным, тонким, обладавшим блестящим юмором. А порой поэт бывает наивен и излишне доверчив.

Одной из граней его характера был присущий ему азарт. Иногда в письмах к друзьям читаем залихватское предложение махнуть куда-нибудь. Так, Григорию Игнатьевичу Пяткову в письме в Ялту от 15 июля 1987 года Михаил Иванович предлагает:

«Гриша!.. Может быть, махнёшь к нам, на Рудный Алтай? ...Первого сентября этого года (остались считанные недели!) будет отмечаться мой юбилей – 70 лет. Вот ты и приезжай на мои торжества. А потом, как разъедутся гости, поедешь по нашему краю, который напечет тебе Сибирь. Горы, тайга, реки и даже рукотворное море! Если согласен – напиши. По-братски обнимаю тебя, мой дорогой друг».

Письма восторженные, лирические, шуточные... Карповой Наталии Ивановне:

«Наташа! А-у-у! Где ты, откликнись! Где ты затерялась, дорогой наш человек! ...Как выглядит сейчас Ленинград? Так же ли он полон красоты и грации, прелести и очарования? ...Наташа, ты живёшь на Мойке, 8. Так ведь это же через два дома от квартиры Пушкина (Мойка, 12). Вот счастье-то тебе привалило!.. Как бы хотелось нам встретиться с тобой, дорогая наша Наташенька! Приезжай к нам в гости! Ей-богу! Вот было бы славно! Погуляли бы по Усть-Каменогорску, покатались бы на ракете по Бухтарминскому морю, по Иртышу, походили по таёжным тропам Алтая! ...Обнимаем тебя вместе с Софи, помним и любим! М. Чистяков. 16.02.87».

Дружину Наталью Юрьевну из Тулы поэт поздравляет с Новым годом и шлёт ей шуточное поздравление:

«Новый год, Новый год!
 Он принёс нам много “льгот”!
 Он бесстрашно к рынку вышел,
 Поспешил нам доложить:
 “Нынче цены будут выше,
 Чтобы легче было жить!
 Это всё на пользу вашу,
 Чтоб не дать расти жирку.
 Ешьте супчик с постной кашей,
 Пейте чай без сахарку!
 Изгоняю сахар вон,
 Чтоб не гнали самогон!
 Будут все мои запасы
 По двойной-тройной цене,
 Чтобы мясо и колбасы
 Людям снились лишь во сне!
 Надо телом дорожить,
 А вы едите много!
 Вам давно пора бы жить
 По системе йогов!”

Вот такое весёлое письмо пишу я тебе, дорогая наша тулячка!

Огромное тебе спасибо за “Ясную поляну”, “Тульский самовар” и усатого кота-календариста! Мысленно брожу с Л. Н. Толстым по Ясной поляне, пью с ним чай из тульского самовара и глажу зеленоглазого, усатого кота-календариста, на обратной стороне которого все месяцы 1990 года. Сколько радости ты принесла в наш дом.... 3.01. 91».

Вот ещё полное искромётного юмора послание в Рязань Маргарите Кухаренко. В нем видится и весёлый нрав поэта, радующегося успехам ближнего.

«...Здравствуй, Рита! Получил твоё весёлое новогоднее поздравление. Не поддаёшься возрасту. Молодец! С удовольствием прочитал твои стихотворения. В тебе проснулась поэтесса. Ура! Очень понравились мне рязанские частушки. На одном дружеском вечере я пропел частушку про Милашку Клаву.

Я с милашкой Клавою
 Вдоль по речке плаваю.
 А причалить не могу –
 С палкой муж на берегу, –

чем вызвал весёлый смех... 31.03.92».

РАБОТАЙ НАД СЛОВОМ УПОРНО, ВДОХНОВЕННО...

Письма Михаила Чистякова – это и лирические откровения, соседствующие с острыми замечаниями о современной ему действительности, а иногда, особенно в последние годы, кажется, совсем далёкие от действительности. Это и размышления на «вечные темы», с оценками литературных произведений современников. Иногда в письмах он даёт дружеские и деликатные советы по стихотворчеству. В них – уважение к молодым поэтам, дружеское участие в их судьбах. Он всегда оставлял молодым надежду на то, что они будут настоящими поэтами, – надо только приложить немало сил. После такой «критики», думается, у поэтов вырастали крылья.

Кузоваткиной Марии Ивановне в с. Солоновка Большенарымского района Чистяков пишет:

«Здравствуй, Машенька! Получил твоё письмо и стихи. Извини, что сразу не мог ответить. Заела текучка... Прочитал твои новые стихи. Отобрал в литературную страницу «Дождь» и «Лето». «Косари» твои прошли в «Собеседнике» «Рудного Алтая». Читала ли?..

Маша! У тебя иногда в стихах много шероховатостей, сравнений, словесных оборотов, концовок. Тебе надо... выдерживать стихи, возвращаться к ним и делать правки. Я заново

буду читать твои стихи, постепенно предлагать в печать. О слабых же стихах напишу тебе, сделав детальный разбор. Будь осторожна с некоторыми темами – например, о прожитом и пережитом. Здесь надо быть всегда начеку, не впасть в рабское подражание другим поэтам. Вот пишешь о юности и соловье. И получается смесь Есенина с Кольцовым.

Есть одна заветная
Песня у соловушки.
Песня панихидная
По моей головушке (С. Есенин).

У тебя почти те же интонации:

За лесами дальними,
за горами синими
навсегда оставлена
Песня соловьиная.

Старайся быть своеобразной, оригинальной. Ты должна сказать о том, что чувствуешь так, как никто до тебя. И тогда это будет твой почерк, поэтическое лицо. С товарищеским приветом М. Чистяков. 15.09.86».

В письме Н. А. Ревину в Серебрянск Чистяков более строг:

«Уважаемый тов. Ревин! Прочитал Ваше стихотворение “Спасибо, мать”. Оно очень волнует своим содержанием, но печатать его нельзя. Над ним нужно очень много работать. Вы пишете:

Накрыть успела ты собой
от пуль фашистских свой задаток.

Вы хотели сказать, что мать укрыла собой шестилетнего мальчика, а получился “задаток”. Слово это никак не вяжется с материнской любовью, да и не хорошо звучит. Очень косноязычны строки:

Среди военных лет задир
В познаниях считался хваток.

Или строки:

Бессонница забралась в грудь,
В чувствах находит своё дельце.

Все это очень плохо. Вам нужно больше работать над собой, больше читать художественной литературы, вдумчивее относиться к слову. Стихи высылаю Вам с пометками. С уважением, Михаил Чистяков. 30.09.83».

Часто М. И. Чистяков делал замечания поэтам и в более жёсткой форме. Василию Фёдоровичу Черепанову из села Белоусовка, вероятно, недовольному правками редактора, Чистяков пишет:

«Вот мои замечания:

Но горбит солёные спины
Подъем и рюкзак на спине.

Два одинаковых слова, поставленные почти в ряд, вызывают недоумение, поэтому-то я одну “спину” убрал... И совсем уж не годится четверостишие:

Тропа оборвётся у топи,
С разбегу упрётся в утёс.
И тот захочет: Притоком
Увяз вездесущий ваш нос!» (15.09.85)

Знание законов стихосложения и поэтический талант не мешали состоявшемуся поэту относиться критически и к себе. Ему было важно услышать мнение других относительно, к примеру, вышедшего сборника «Мои берега». «Хотелось бы получить отзывы о книге. От Вас и учителей. Выскажите откровенно о содержании сборника. Что понравилось, что нет», – просит Чистяков директора школы № 28 и его коллег-учителей.

МОЙ «БЕЛИНСКИЙ В ЮБКЕ» И... ДРУГИЕ «ЦАРИЦЫ ВОСТОРГА»...

Письма Чистякова раскрывают нам грани неординарной личности, позволяют увидеть, понять и оценить его в разных ситуациях: в моменты творческого подъёма и кризиса, в повседневных делах и заботах. Чистяков предстаёт перед нами как поэт и прозаик, педагог и журналист, отец семейства, дед и благодарный муж.

Михаил Чистяков и София Георгиади, Поэт и Муза, были очень по жизни близки. Михаил Иванович был бесконечно благодарен Софии Ивановне за доброе участие в его судьбе.

«Я благодарен судьбе за то, что она дала мне такого прекрасного друга, как Софи. Она – моя мамка и нянька, машинистка и секретарь, советчик и критик. Весь день я работаю, а вечерами она читает мне вслух русских и зарубежных классиков. За сравнительно короткое время мы прочитали Уильяма Фолкнера, Вольтера, Дени Дидро, Теодора Драйзера, Бунина, Тургенева, Добролюбов. Успеваем следить и за современным литературным процессом, особенно за нашумевшими книгами. Софи перечитала мне вслух «Плаху» Чингиза Айтматова, «Печальный детектив» Виктора Астафьева. «Пожар» Валентина Распутина и многое другое...» – писал Чистяков Вениамину Ларину 11 июля 1987 года.

Софию Ивановну поэт называл «Белинским в юбке». Супруга принимала деятельное участие в его творчестве, редактировала стихи. Он очень доверял её вкусу, она была начитанным и образованным человеком. «...Читал Соне поэму вслух. Похвалила. Перепечатала на машинке. И вот я тебе её высылаю...», – сообщает он в письме Розе Суюнчевой, жене поэта и друга Азамата Суюнчева.

Из письма Вениамину Ларину от 06.11.87:

«Дорогой Вениамин Иванович!.. Зрение всё хуже и хуже. Буквы начали расплываться, лиц уже не различаю. Но пока рядом Софи, тружусь, стараюсь не думать о будущем. Софи у меня машинистка, и нянька, и слесарь, и электрик, и критик, и чтец. Да ещё хочет стать мемуаристом!» (Имеется в виду высланный им очерк Софии Ивановны о Н. Анове. – Т. О.)

Порой в письмах звучат лирические откровения, восхищение талантливой женщиной. Наталья Карповой:

«Дорогая Наташенька! Вспоминаем тебя часто, твой чистый мягкий голос, твою теплоту... Ты вошла в нас, как светлое солнышко, как милая, добрая фея, как что-то возвышенное и прекрасное. От тебя повеяло чем-то русским, какой-то необыкновенной чистотой, ясностью взгляда на мир, добрым отношением к людям, и мы вдруг ощутили, что мы, узнав тебя, стали чище и богаче душой, добрей и мягче. Слава тебе, русская северянка! Красива и щедра земля наша, ибо по ней ходят царицы восторга, удивляясь вечной гармонии мира, поклоняясь деревьям и птицам, ручьям и цветам, колосьям и звездам... Пока! Обнимаем тебя, дорогая Наташенька, приглашаем в гости, желаем тебе крепко сидеть на пегасе и обскакать всех твоих завистников!» (21.05.80).

ВЫ ДАЛИ МНЕ ПУТЁВКУ В ЖИЗНЬ...

Михаил Иванович был из тех людей, кто часто прощал обиды и не забывал добро. Доценту Архитектурного института Домбровскому Павлу Васильевичу:

«Получил вашу посылку и был крайне тронут такой заботливостью обо мне. Открыл ящик – и комната сразу наполнилась ароматом апорта. Яблоки – один к одному: крупные, солнечные, сочные. Они напомнили о наших встречах у моего сына и у Вас. Напомнили вечера, когда Вы читали стихи о любви к возвышенной и прекрасной женщине, как Вы боготворили свою любовь. Я слушал Вас, затаив дыхание и думал: “Вот поэт! Поэт своей души! Своего чистого романтического сердца!..” Я очень рад, что мои стихи, посвящённые Вам, тронули Ваше ранимое сердце. Я написал их, так как почувствовал вашу душу. Меня всегда удивляло ваше отношение к окружающей жизни. Теперешняя жизнь груба, хищна, утробна.

Трудно сохранить в ней своё изначальное состояние. Вы же, человек, прошедший огонь военных сражений, остались таким, как были в далёкой юности, чистым, благородным, всегда желающим людям добра».

И вот ещё строки благодарности Вениамину Ивановичу Ларину, редактору журнала «Простор»: «...Ещё и ещё раз говорю Вам великое спасибо, что Вы поставили меня на ноги как поэта, дали мне путёвку в жизнь. 15.08.87».

И Я ХОЧУ В СТРОКАХ НЕГРОМКИХ МОИХ ДРУЗЕЙ ЗАПЕЧАТЛЕТЬ...

В своей переписке поэт видится и серьёзным исследователем. В основу его поэм «Усть-Камень», «Яков Ушанов», «Степной сокол», а также романа «Против течения» благодаря кропотливым краеведческим поискам поэта положены реальные события. Так, в 1976 году в издательстве «Жазушы» вышел сборник стихотворений Чистякова «Солдатская память», где опубликована поэма «Степной сокол» – о легендарном партизанине времён Великой Отечественной войны, нашем земляке, писателе Касыме Кайсенове. Отдельными главами в том же году поэма публиковалась и в областной газете «Рудный Алтай». Произведение имело лестные отзывы, но поэт не унимался. Ему хотелось расширить поэму, придать большую документальность и выразительность описанным событиям, происходившим в реальности.

Работая над поэмой, он разыскал Касыма Кайсенова, а через него и партизан, боевых товарищей партизана Васи, как звали Кайсенова-разведчика, а потом командира партизанского отряда в Приднестровье и Прикарпатье друзья по оружию. Михаил Иванович вёл с бывшими партизанами серьёзную длительную переписку, детально изучал боевые действия народных мстителей, желая доподлинно отразить события военных лет, подробно, объёмно и образно выписать характеры героев поэмы.

В фондах музея хранится переписка Чистякова с партизанами Украины, которая представляет собой большой интерес и как свидетельство серьёзной работы поэта, и как источник биографических сведений о писателе-партизанине Касыме Кайсенове.

В одном из писем к Кайсенову Чистяков сообщает:

«Дорогой Касым! У меня полным ходом идёт работа над поэмой о тебе и твоих боевых друзьях. Сообщи, пожалуйста, об Асе. Когда ты на ней женился: до войны или после войны. И где: в Усть-Каменогорске или Павлодаре. Мне нужно ввести её в поэму. Очень прошу тебя сообщить мне адреса: Матузьки, Крячека, Лавриненкова... Я им напишу письма, чтобы они подробнее рассказали о себе. Может быть, мне не удастся поехать с тобой, тогда я поеду в Киев в июне. А до этого мне надо с ними списаться... Твой Миша. 08.11.80».

В марте того же года Чистяков пишет письмо в Киев бывшей разведчице Татьяне Матузька – Онищук.

«Уважаемая тов. <О>нищук! В Великую Отечественную войну Вы сражались в партизанском соединении имени Чапаева. Мой друг Касым Кайсенов очень много рассказывал о Вас, как разведчице и очень смелой девушке. Сейчас я работаю над поэмой о Касыме Кайсенове и его боевых товарищах – Лавриненкове, Крячеке, Тканко, Янцелевиче и др. О Вас я написал целую главу о том, как Вы пробирались от деревни к лесу, чтобы предупредить партизан о карателях, а затем влились в отряд и стали отважной разведчицей. У меня к Вам просьба. Сообщите подробности своего детства, жизни в партизанском отряде, об опасностях, которые вас подстерегали на каждом шагу. Вышлите мне фотографии тех лет: какая Вы были до войны и в форме партизанки.

В мае Касым собирается на Украину с киностудией снимать фильм о партизанах. Я намереваюсь ехать с ним по местам сражений. Но может статься так, что он уедет вперёд, а я приеду позже, в июне-июле. Не сможете ли Вы похлопотать о какой-нибудь гостинице в Киеве (я буду жить 15–20 дней), чтоб я мог беседовать с бывшими партизанами и писать о них. А затем читать написанное Вам, верно ли отображена партизанская жизнь? М. Чистяков. 20.03.80».

Михаил Иванович Чистяков связывается и с Героем Советского Союза А. В. Тканко.

«Здравствуйте, Александр Васильевич! Пишет Вам поэт Михаил Чистяков из Усть-Каменогорска, друг Касыма Кайсенова. Я работаю над большой поэмой о партизанах Украины и Казахстана под названием «Степной сокол». В Вашем партизанском соединении сражались наш земляк Касым. Он много интересного рассказывал о Вас, как о командире закарпатских партизан. Хочу включить главу о Вас в свою поэму. Напишите коротко о своём детстве, юности, главных операциях на войне. Если возможно, вышлите юношескую фотографию, желательно в партизанской форме.

В конце августа я намерен побывать в Киеве, встретиться с Татьяной Матузько (Онищук), с Владимиром Лавриненковым, с Алексеем Крячком и, конечно, с Вами!.. Мне хочется очень ярко и зримо написать о вас, как о командире, о Карпатах, о её природе, о характере партизан... М. Чистяков. 20.05.80».

Из письма бывшему партизанскому врачу А. В. Крячку:

«Уважаемый Алексей Васильевич! В казахстанском издательстве «Жазушы»... вышла моя стихотворная книжка «Солдатская память». В ней была опубликована поэма «Степной сокол» – о нашем земляке, моем личном друге Касыме Кайсенове и его боевых товарищах. В этой поэме есть глава о Вас, как о партизанском враче. Собственно, с этого и начинается поэма. Касым встречает Вас в Киеве, и Вы везёте его по местам сражений. ...Я бы очень хотел, уважаемый Александр Васильевич, получить от Вас некоторые сведения о характере партизанских лазаретов (или медпунктов), не знаю, как вернее их назвать. Расскажите, как вы лечили раненых, где доставали медикаменты, как делали операции. Это нужно для того чтобы сделать главу о Вас... более обстоятельной. Если сохранилась Ваша фотография времён партизанских лет, снимите копию и вышлите мне. Я по портрету схвачу основные черты Вашего лица и постараюсь их запечатлеть в стихах...» (15.04.80)

В 1980 году Михаил Иванович побывал в Киеве, встречался с бывшими партизанами, сослуживцами К. Кайсенова, проехал по местам сражений. По приезду отправил письмо Татьяне Матузька с благодарностью за тёплый приём:

«Танюша, Петро!.. Вспоминаем вас с радостью. Было очень весело, интересно. Вы заботились о нас, как о своих родных. Особенно вспоминаю борщ и Петину горилку! Хороша! И песню:

Вин дорогу чую,
А с бругой ночеу.

Хороший, весёлый, умный Петро! Особенно взволновали меня проводы у вагона, когда Пётр Иванович угощал меня горилкой! Гарно! Напишите, как живёте, что нового в Киеве и лично у Вас? Приезжайте в гости! Касыма ещё не видел. Он лечится где-то на одном из казахстанских домов отдыха. Горячо обнимаем вас. Михаил Иванович и Софья Ивановна! 1.10.80».

В результате прекрасного владения историческим материалом у Чистякова появилась поэма, обогащённая впечатлениями от встреч с боевыми друзьями Касыма, вышедшая отдельной книгой в 1981 году. В ней показаны людские судьбы в водовороте войны. Она захватывает динамикой остродраматических сцен, с документальной точностью описанных героических событий, живостью и жизненностью образов. В ней звучат темы Родины и интернационализма, такие близкие поэту.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ СТАРОГО СОЛДАТА...

Михаил Иванович с уважением относился к корреспондентам именитым и простым. Он никого не оставлял без ответа, откликаясь на все просьбы. Вот письмо в село Бортнички Бориспольского района Киевской области Украинской ССР пионерам 7 «А» класса.

«Дорогие ребята! Получил ваше письмо с просьбой выслать вам мои книги к образу ванию 60-летия СССР. Выполняя вашу просьбу, хотя значительно опоздал. Состояние моего здоровья долгое время было неважным. Высылаю вам книги «Алтай» и «Степной сокол». По ним вы будете иметь представление о нашем Рудном Алтае, о Казахстане. Вы оформляете альбом и книжную выставку «Писатели Казахстана». Это очень хорошо! Казахстан и Украина – это две самые мощные дружественные республики в нашей стране. Буду очень рад, что вы познакомитесь через книги писателей Казахстана с нашей замечательной землёй.

Высылаю статьи о моем творчестве. Они помогут вам разобраться в главных моих темах и определить круг моих жизненных интересов. Учитесь лучше, чтобы быть достойными наследниками ваших отцов...

С дружественным приветом, М. Чистяков. 20.01.83».

Письма Чистякова весьма информативны. Некоторые содержат сведения из фронтовой биографии поэта. Например, в письме к Мамцову Олегу Николаевичу, руководителю поискового отряда «Кристалл» ГПТУ села Тальменка Алтайского края, с ребятами которого Михаил Иванович переписывался, он сообщает интересные сведения о себе и об однополчанине Макане Джумагулове, проживающем в Алма-Ате: «Он написал книгу “К Днепру”, где хорошо рассказал о наших однополчанах. Писатель знает весь путь нашего полка, который дошёл до Берлина. Свяжитесь с ним, и он вам расскажет много интересного...»

Чистяков благодарит поисковый отряд за «большое человеческое дело. Наши потомки должны знать о великом подвиге Советского народа в Великой Отечественной войне», – заключает он письмо от 29.09.83.

Члену отряда «Кристалл» Шевуновой Елене Чистяков отвечает:

«Спасибо вам, дорогие мои следопыты, за то, что вы поздравили меня с праздниками. Не забываете старого солдата. Как ваши дела? Что нового в ваших поисках? ...Я мысленно тоже с вами, ведь я коренной россиянин. Родился в Башкирии, которая издревле входила в состав русского государства. Рад за вас, дорогие ребята! В наше сложное и трудное время, когда размываются нравственные, патриотические ценности, подвергаются поруганию святыни, ставшие народным достоянием, вы неустанно разыскиваете все новые и новые имена защитников нашей родины. Нелегко приходится и нам, старым фронтовикам... 20 февраля 1991».

Письма читателям – не формальные отписки. Подчас это диалог с читателем о поэзии, размышления о сути бытия, благодарность за внимание, за добрые слова о его творчестве, и в каждом слышится голос поэта, видится неповторимый почерк. «Как Вы верно понимаете назначение поэзии, – пишет он Розе Васильевне Абаниной в Севастополь. – Вы пишете, что она (поэзия) возвышает и облагораживает души людей. И это действительно так. 25.02.1992».

Поэту интересно беседовать с читателями умными, проницательными, знающими толк в поэзии, даже если они далеки от стихотворчества: «Вы тонко и умно подмечаете художественные находки в поэтических строках и умеете видеть самые лучшие стихотворения. А ведь это тоже талант! Как счастливы были бы поэты, если бы у них были такие читатели! 25.02.1992».

Подобные письма поэт не оставлял без внимания.

«Здравствуйте, дорогие мои читатели товарищи Фомины! С глубоким волнением прочитал ваш отзыв на мою книгу “Дорога”. Очень рад, что мои новые стихи вызвали в вас добрые, светлые чувства. ...Особенно приятно получить отзыв о новой книге от моих земляков, написанный с большой теплотой и глубокой искренностью. Напишите мне о вашей профессии, сообщите ваши имена и отчества. По стилю и слогу догадываюсь, что вы – учителя. Я буду всегда очень тепло вспоминать о ваших письмах. С признательностью и уважением Михаил Чистяков. 19.11.85».

Переписка Чистякова повествует о многом. Письма помогают восстановить вехи биографии поэта и рассказывают о творческих людях, наших земляках, о событиях в литературной жизни нашего города. «...Свое руководство литературным объединением я передал своему ученику, члену Союза писателей СССР Борису Васильевичу Щербакову, автору многих прозаических книг. Человеку, тонко чувствующему и отлично знающему нашу казахстанскую природу... – пишет Чистяков Киселевой Новелле Николаевне, врачу и поэтессе в Кишинёв. – В литературное объединение влились новые силы, новые таланты. Лучшие из них – Александр Романов, Юрий Плеслов, Владислав Артюшанский».

Есть письма, в которых прочитываются и сердечные привязанности поэта, и строки о тех людях, кто оказал большое влияние на его становление. Василию Яковлевичу Набойщикову из Рязани Чистяков пишет: «Завидую, что Вы живете на рязанской земле, так любовно воспетой великим поэтом России. Есенин... мой кумир, моя религия. Это – величайший поэт мировой лирики. Я с великим наслаждением читаю его наизусть, учусь у него мастерству художественного слова. Стихи его – это мой молитвенник...»

Письма – это и ценные свидетельства минувшего времени. В посланиях Чистякова запечатлены идеалы советской эпохи, отражены события XX века: отголоски Великой Отечественной войны, атмосфера жизни 50–60-х годов, период перестройки и постперестройки. Письма ещё раз уверяют нас в том, что поэт Чистяков – истинный просветитель, утверждающий своим творчеством и гуманизм, и оптимизм, и веру в духовность человека. В этом их истинная ценность.

